

«*Законы сцены*

непреклонны...»

Дорогой читатель! Наши поэты неустанно творят. Их диапазон широк – от нежной лирики до беспощадной сатиры. Их полет непредсказуем – то в зенит за облака, к Богу, то в бредущем режиме – испепелять пороки. Сочинения взяты из очередного 11-го выпуска альманаха «Литературная Алма-Ата».

Берик Джилкибаев

ИСТОРИЯ

Скалолазом он не был, он всегда
по утрам
Ледяной обливался водою.
Ты не верь, что его не спасли
доктора,
Это он не вернулся из боя...
Было все перетерто под нужным углом
И в деталях обговорено:
Два субъекта сойдутся
за общим столом
В пансионе мадам Робино.
Был один – рыжевато-седой господин,
Аскетически строг, сухощав.
Он прищуривал взгляд ледянее льдин,
Что обид не умеет прощать.
А второй – молодой был неброско одет,
Он насвистывал, как Лоэнгрин,
Франца Шуберта «Соль мажорный
квартет,
Опус сто шестьдесят один».
Намечалось, что выйдут из двух
экипажей
двое непримиримых врагов.
Секунданты возьмут пистолеты
Лепажа
И отмерят шестнадцать шагов,
А потом рыжевато-седой господин
Невредимый уедет на дерби,
А молодчик трагический,
как Лоэнгрин,
В диафрагму прошепчет: «Их штербе!»

Но депеша пришла, что московский
смутьян
юридически вне договора.
Предсказанье сбылось:
Эх, Жеглов-капитан!
Никогда ты не будешь майором...
Завершается скачка, и лошади храп
Опадает, как листья на вербе.
Диафрагмою вытолкнул царский арап
Прощевальное слово: «Их штербе!»
Скалолазом он не был,
он всегда по утрам
Ледяной обливался водою.
Ты не верь, что его не спасли доктора,
Это он не вернулся из боя...

Николай Зайцев

ДРУГУ СЕРИКУ

Я такой же, как ты – кочевник,
Брат мой,
Издалика
Моих предков
На излеченье
Везли сюда.
От умения жить в достатке,
От понятности простоты
Комиссары везли украдкой,
Затыкая прикладом рты.
Мы, конечно, сыны России,
Но по воле своей, чужой
Мы, попавшие в край красивый,
Полюбили его, как свой...
Может статься, и я уеду
В край берез и спокойных рек,

Но душою под этим небом
Я останусь уже навек.
Я такой же, как ты – кочевник,
Неужели издалика
Видеть мне семи рек течение
С гор, взметнувшихся в облака.
Я могу все понять на свете,
Но одно недоступно мне,
Почему воздух светлый детства
Может видеться лишь во сне.
Мы – кочевники в этом мире,
Волей вольному будет путь...
Мы свои земные потери
Осознаем когда-нибудь.

Валерий Огнев

ОДА СОБАЧЬЕЙ СЛЕЗЕ

Одна, лишь смертная слеза
Собачьего родного лика –
О как же слеза та велика,
Своим смирением пронзя!..
Так тихо в морду покатысь,
Она сползала вниз по шерсти –
Как главный смысл собачьей
смерти,
Как будто в чем то извинясь...
Ей оставалось передать
От стекленеющего взгляда,
Что раз уж ты, хозяин, рядом,
Совсем не страшно умирать.

Она –
как воплем в душу весть –
в тупую, скудную, людскую
и исковерканно пустую –
чтобы напомнить, кто мы есть!
Чтоб подсказать, что есть стезя –
Не зная алчности порока,
Ни в чем не ведать больше прока,
Себя смирением пронзя!..

Что есть всегда слеза любви –
Не лжи, не злости, не химеры,
А ясной, чистой, светлой веры –
Где мы хоть смертью, но правы!

Как подтвердила это вдруг,
Меня покинув раньше срока,
Слезой, скатившейся из ока,
Моя собака, старый друг!..

Леонид Гириш

ТЮБЕТЕЙКА

В каких-то пятистах шагах
От цитадели рейха
Пехота штурмом дом брала.
Фашисты били сверху.
Огонь из танка – шаг вперед.
Потом – по окнам – огнемёт!
«Вперед, орлы!» – кричал комбат,
Взметнув, как знамя, автомат.
И вдруг молва: «Горит рейхстаг!»
И фрицы знают это.
Они сдаются.
Белый флаг. Хорошая примета.
И тут такое началось!
Свершилось, что давно ждалось:
Палили вверх и песни пели.
От счастья словно бы пьянели.
Солдат целует трехлинейку,
Так долго ждал Победу он.
И надевает тюбетейку,
Пилотку сунув под погон.
Ему наказывала мать:
Врагу Отчизну не сдавать!
И тюбетейку подарила,
Чтоб от беды его хранила.
И вот настал желанный час
Обещанной Победы,
Солдат-герой Отчизну спас.
И позади все беды.

... Война была давным-давно,
Но посмотрите, все равно
В военкомате на скамейке
Мать дарит сыну тюбетейку.

И так же нежно говорит:
«Пусть от беды тебя хранит!»

Роза Ахтямова

Как сказать мне
нелюбимому?
Как сказать мне нелюбимому,
Что другого я люблю?
Как сказать ему, немилому,
Что готова к январю,
Что снегами запорошено
Сердце нежное давно?
Как сказать ему, хорошему,
Что я с сердцем заодно?
Не поверит он, отшутится,
Скажет: стерпится и слюбится!..
И сведет меня с ума.
Позабуду я неверного,
Не поверю январю,
И любовь мою безмерную
Я другому подарю.
Зазвенят ручьи весенние,
Ведь не вечен снегопад...
Не часы и не мгновения,
Может, годы пролетят.
Не вернусь я больше к прошлому,
Даже в думах не вернусь,
И уйдет, как гость непрошенный,
Навсегда из сердца грусть.

* * *

Твоя любовь
Смутила и насторожила,
Приподняла и закружила,
Вдаль позвала и окрылила
И добрым светом озарила,
Мелодией тоски звучала
И птицей гордою кричала,
Просила все начать сначала,
Молила, чтобы не молчала.
Она была неутомима,
Так несравненно несравнима,
Звала в былое и манила...
Зачем, зачем все это было?!

ДВЕРЬ В БОГАНЕТУ

Глаза потеряны в душе.
Утопли слезы. Говори
Простым божественным клише:

Он эту жизнь сотворил.
Он это тело подарил,
Страну и расу, и планету,
И рваную надежду эту,
В старинных книгах говорил,
Давая ветхие советы
Держаться пламенных перил,
Сходя кругами в Боганету.

И лишь одно он не открыл –
Там дверь вниз...
Ты ж ключ забыл!

Павел Каторгин

ТЫ УВИДИШЬ ОДНАЖДЫ

Ты увидишь однажды, что я – это дождь,
что посланье мое ты не в силах прочесть.
Ты его не поймешь,
Мою речь ты найдешь неизвестной.
Ты заблудишься в планах, идеях, словах,
отвлечешься на стук, просто вздрогнешь
или мысли воспрянут.
...В притертых мечтах
ты забудешься. Помни.
Ты заметишь кривые стежки на стекле,
слух захватит, гремя, подоконник.
Ты сочтешь: «Много шума
из ничего». Не совсем...
Хотя ... Безусловно.
...Поборов небольшое
стеснение в висках,
ты вздохнешь и слегка улыбнешься,
и, едва неуместна, почти духота
с теплым «пусть»,
еле слышным, начнется.
Ты откроешь окно – я не стану
врываться,
Терзать шторы, прическу и блузку.
Только блик одной
капли коснется запястья,
как духи растворясь
в твоём пульсе.